

Котляр Е.А.

канд.искусствоведения, доцент, ХГАДИ

РОСПИСИ ДЕРЕВЯННЫХ СИНАГОГ НАДДНЕПРЯНИЩИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу росписей синагог XIX века на территории украинской Надднепрянищины в контексте развития восточноевропейской живописной декорации синагог. Ограниченность материала позволила лишь наметить общие контуры и проблематику, исследовать отдельные памятники, подчеркнуть своеобразие региона. Констатируется упадок на этих землях ковровой декорации, характерной для еврейских местечек Галиции и Подолии и ее заменой на принцип фрагментарных живописных включений. Одновременно усиливается эмоциональное начало в трактовке образов, связанных с распространением хасидизма и усилением религиозно-мистического компонента еврейской жизни. В связи с этим псяляются новые сюжеты, нуждающиеся в специальных исследованиях.

Ключевые слова: росписи синагог, еврейское местечко, штетл, Надднепрянищина, хасидизм, символика, иконография, стилистика.

Анотація. Котляр Є. *Розписи дерев'яних синагог Наддніпрянищини: проблеми та перспективи дослідження.* Стаття присвячена аналізу розписів синагог XIX ст. на території української Наддніпрянищини в контексті розвитку східноєвропейської живописної декорації синагог. Обмеженість матеріалу дозволила лише намітити загальні контури та проблематику, дослідити окремі пам'ятки, підкреслити своєрідність регіону. Констатується занепад на цих землях килимової декорації, характерної для єврейських містечок Галичини та Поділля та її заміна на принцип фрагментарних живописних включень. Одночасно посилюється емоційне начало в трактуванні образів, пов'язаних з розповсюдженням хасидизму і посиленням релігійно-містичного компоненту єврейського життя. У зв'язку з цим з'являються нові сюжети, які потребують спеціальних досліджень.

Ключові слова: розписи синагог, єврейське містечко, штетл, Наддніпрянищина, хасидизм, символика, іконографія, стилістика.

Annotation. E. Kotlyar. *Murals in Wooden Synagogues of Dnieper Ukraine: Research Challenges and Prospects.* This paper analyzes murals of XIX century synagogues in Dnieper Ukraine in the context of Eastern European tradition of synagogue wall painting. The limited amount of existing material would only make it possible to define the general outline and problems, study the individual monuments, highlight unique characteristics of the region. Author observes the decline in these lands of carpet-like decoration tradition widely used in the Jewish shtetls of Galicia and Podolia, and its replacement by the principle of fragmentary pictorial inclusions. At the same time, author notices the growth of emotional component in the interpretation of images associated with the spread of Hasidism and strengthening of religious mystical aspect of Jewish life. In this respect, the emergence of new themes warranting additional studies is noted.

Keywords: synagogue murals, Jewish town, Shtetl, Dnieper Ukraine, Hasidism, symbolism, iconography, stylistics.

Постановка проблемы. Изучение восточно-европейской традиции росписей синагог, которая охватила во времени и пространстве огромный ареал расселения евреев как в самой Европе, так и за ее пределами (эмиграция в Северную Америку и др. страны, алия в Палестину) предполагает комплексное исследование регионального своеобразия этого художественного явления. Крупные центры развития этой традиции, в т.ч. и на украинских этнических землях, вызвали интерес ученых еще с конца XIX в. [2; 18; 27; 26; 36] и по настоящее время [29; 30; 33-35]. Прежде всего, мы имеем ввиду деревянные синагоги, в которых с последней трети XVII по конец XVIII вв. распространялась ковровая полихромия (Прикарпатье, Галиции и Подолии). Этот период был пиком расцвета искусства росписей синагог. К середине XVIII в. складывается композиционно-сюжетная программа росписей, ее репертуар, иконография и стилистика. В последующий период эта традиция стала претерпевать определенную трансформацию, связанную с изменением культурно-религиозного облика еврейства, появлением хасидизма, а позже и движения *маскилов* – еврейских просветителей и реформаторов, разнообразных моделей духовной и культурной жизни евреев. Важную роль при этом играла внешняя ситуация и эволюция художественных стилей в Европе: переход от барочных форм к классицистическим и далее – к историзму и эклектике.

Среди «внутренних» факторов, на землях, отошедших после разделов Польши (1772-1895) к Российской империи, в первую очередь, сказывался фактор «черты оседлости», который влиял на консервацию традиционной еврейской культуры в местечках. Сюда же следует отнести усиление под влиянием хасидизма религиозно-мистических интенций и надобщинного характера еврейской организации. Все это в полной мере относится к региону, о котором пойдет речь в данной статье. Еврейские общины, сформированные в приднепровском бассейне значительно отличались от общин Подолии, Галиции и Волыни – исторического проживания евреев-мигрантов из Европы, которые осваивают эти земли еще до XVI века и формируются как мощные центры польского еврейства, объединенные системой еврейского самоуправления. Расцвет жизни евреев Приднепровья и их демографический подъем приходится уже на время Российской империи, первую половину XIX века. Этот период был сопряжен с широким распространением на этих землях хасидизма, в частности, двух его наиболее крупных ветвей – ружинского¹ и черныбыльского.² Исторические коллизии XX в. и по-

¹ Последователи хасидского *цадика* (духовного лидера общины) рабби Исраэля Фридмана из Ружина (1797-1850), который в начале 1840-х гг. эмигрировал и обосновался в австрийской Буковине, в м. Садагура (ныне часть Черновцов), основал новый двор и стал основоположником новой, садагурско-вижницкой династии хасидизма.

² Последователи родоначальника династии, рабби Менахема Нахума Черныбыльского (1730-1797), ученика основателя хасидизма Баал Шем Това и его преемника Дова Бера из Межирича, который основал свою резиденцию в Черныбыле и одноименное хасидское течение. Со второй

следствия Холокоста трагическим образом отразились на сохранении еврейского культурного наследия региона. Ни одна из деревянных синагог (как впрочем и в других землях Восточной Европы) не сохранилась, но они слабо были изучены и даже зафиксированы в свое время. Кроме старых фотографий, собранных в межвоенное время, главным образом украинскими искусствоведами и музейщиками, не сохранилось каких-бы то ни было текстов в виде описаний, исследований и даже отчетов, которые могли бы стать отправной точкой в изучении синагогальных росписей этого ареала. Тем не менее, его исследование, даже предварительное, с попытками реконструкции сюжетного репертуара росписей позволило бы представить своеобразие восточноевропейской традиции росписей синагог на наиболее восточных землях ее распространения в период стагнации и угасания данной традиции.

Целью настоящей статьи является исследование особенностей росписей деревянных синагог украинской Надднепрянщины XIX века (северной и центральной частей приднепровского бассейна в Правобережье) и включение их в единый контекст бытования восточноевропейской традиции. Работа выполнена в рамках госбюджетной темы «Сакральное искусство Востока и Запада: художественные и культурно-философские аспекты традиции, интеграции и современного развития» (№ 0101U003031, 2011-2012 гг.)

Состояние исследования темы и источниковая база. В вышедшей в 1927 г. статье о памятниках искусства в Правобережье, в ее отдельном разделе, посвященном еврейскому искусству – единственном в советское время довоенном материале по этой теме, украинских искусствовед Д. Щербаковский отмечал острую актуальность изучения искусства евреев, как главного населения «правобережного местечка». Ученый подчеркивал катастрофическое положение еврейской материальной культуры местечек из-за войн, пожаров и разрушений, одновременно указывая, что труды многих известных исследователей (к его чести, он упоминает почти всех хрестоматийных авторов еврейского искусства, касавшихся изучения польских синагог, и среди них Р. Бернштейн-Вишницер [2, с. 390-395], М. Берзона [25], Л. Вержбицкий [36], К. Мокловского [32], Г. Павлуцкого [18] и др. – мы приводим список их работ, которые не были указаны Д.Щ. в его публикации) весьма бегло касались памятников Надднепрянской Украины, что вызывало необходимость их детального изучения [23, с. 204-205]. В своей краткой статье ученый больше касался волынских и подольских синагог в Староконстантинове, Озаринцах и Ярышеве. В то же время, в его авторском фонде в Институте археологии НАН Украины осталось большое количество материалов экспедиций 1900-1920-х гг. – фотографий и бесценных дневниковых записей по Правобережью и Киевщине, которые создают достаточно широкую базу для исследования заявленного выше региона [4; 9; 17]. Вместе с другими источниками, в особенности, архивным фондом

П. Жолтовского [6; 10; 14; 16], который во второй половине 1920-х гг. – начале 1930-х. – уже после трагической кончины Д.Щербаковского, собирал материалы по украинскому народному искусству, а вместе с ним, и еврейскому по всей Украине, в т.ч. Киевской губернии и Полесью, мы можем составить более полную картину распространения синагог на приднепровских землях, а также образцов росписей, – хотя этого материала сохранилось несравненно меньше. К этому также стоит добавить фотоматериалы бывшего НИИТИАГА,³ ряда центральных и киевских архивов,⁴ а также дошедших фотооткрыток дореволюционного времени.⁵ На их основе стало возможным частично проследить географическую локализацию синагог и их архитектурно-художественные особенности на территории нынешних Киевской и Черкасской областей, северных районов Кировоградчины, Винничины и Житомирской обл. В общем виде данный материал был представлен в недавней статье автора о региональных центрах распространения восточноевропейской традиции росписей синагог в Украине [8, с. 68-74]. Данная публикация посвящена более детальному анализу этого региона, рассмотрению особенностей росписей и перспективе их дальнейших исследований в условиях ограниченности источниковой базы и, вместе с тем, наличия более фундаментальных иконографических исследований по другим регионам, а также современным трудам в смежных областях Jewish studies.

Изложение основного материала. Рассмотрение данной темы невозможно без анализа двух основных вопросов, которые обрисовывают контекст еврейской жизни на этих территориях и сосредоточение здесь синагог.

В период с конца XVIII и особенно XIX вв. на приднепровских землях отмечается усиливающееся влияние хасидизма. С одной стороны, это было вызвано растущей популярностью среди евреев демократизации религиозных практик хасидов в отличие от раввинистического иудаизма, основанного на традиционной талмудической учености. Разрастание хасидских дворов и династий также сопровождалось становлением института *цадикизма* – авторитарной династической системы руководства хасидской общиной их *ребе* – *цадиком* (букв. – праведником). Будучи духовным лидером, цадик выставлял себя в качестве посредника между простым народом и Богом,

³ В фондах научного архива НИИ теории и истории градостроительства и архитектуры, г. Киев (НИИТИАГ) хранилось несколько десятков негативов с фотографиями и обмерами синагог XVI – XX ст., в т.ч. и деревянными синагогами Приднепровья. После закрытия Института его материалы перешли в Государственную научную архитектурно-строительную библиотеку имени В.Г. Заболотного (Киев).

⁴ Среди них материалы упомянутого НИИТИАГА, Государственного архива Киевской области и Государственного архива г. Киева. Автор благодарит киевского историка и краеведа Михаила Кальницкого за предоставление данных материалов.

⁵ Благодарю также Леонида Финберга, директора Центра изучения истории и культуры восточноевропейского еврейства Национального университета «Киево-Могилянская академия» за предоставление репродукций старых открыток.

трети XIX в. оно стало наиболее мощным и влиятельным в Приднепровье и в целом в России.

Рис. 1. Нсринск. Житомирская обл. Деревянная синагога. XIX в. Вид на западный фасад. Фото Ф. Вовка, 1907 г. (Институт археологии НАН Украины. Фонд Ф.К. Вовка. Д. 253. Ед. хр. 5).

Рис. 2. Чернобыль. Киевская обл. Деревянная синагога. Вторая половина XX в. Общий вид с северо-запада. Фото П. Жолтовского, 1929 г. (Институт рукописи НБУ им. В.И. Вернадского. Фонд С. Таранушенко, № 278. Д. 499. Ед. хр. 367).

при чем, людям надлежало содержать цадика, чтобы он, как святой человек мог посвятить себя общению с Богом [1, с. 123]. В этот период также отмечается определенная лояльность властей к хасидскому движению, которое, начиная с 1804 г. – времени принятия известного «Положения о евреях» в Российской империи с правом различных еврейских религиозных групп строить свои синагоги и назначать своих духовных лидеров, было началом легализации хасидизма [1, с. 108]. После бегства в конце 1930-х гг. ружинского цадика в Австрию и установление повсеместного влияния в этом регионе чернобыльских (тверских) хасидов и их потомков, создается по сути надобщинная организация основной массы еврейского населения, которые стали последователями этого течения в хасидизме. Хотя российская власть и пыталась контролировать жизнь и влияние цади́ков, их реальное религиозное и социально-экономическое влияние на евреев оказалось чрезвычайно сильным.

С другой стороны, невозможность точного определения культурно-религиозной стратификации еврейского населения и их демографии, «расстановки» сил и движений в еврействе, а главное – четкого понимания какие синагоги были хасидские или *митнагедские*⁶ оставили до сих пор открытым вопрос о принадлежности синагог тому или иному течению. Понятно, что традиция живописных настенных декораций складывается в равнинистической среде задолго до появления хасидизма. Однако к середине XIX века, несмотря на внутренние разногласия, оба эти движения сплавиваются перед более опасным врагом – *Гаскалой*⁷ и модернизацией еврейства, вследствие чего

⁶ *Митнагедские* синагоги – молитвенные учреждения, принадлежавшие традиционным общинам равнинистического толка, сложившимся до появления хасидизма и выступавшими их противниками (от мн. число ивр. «митнагдим» «миснагиды»).

⁷ *Гаскала* (ивр. «просвещение») – движение в еврейской среде Европы второй половины XVIII в., которое выступало за принятие ценностей просвещения и интеграцию в европейское общество. В России набирает активность к середине XIX в.

оба направления становятся адептами еврейской ортодоксии. Мы можем лишь утверждать, что активность хасидизма на еврейской авансцене России привнесла в мироощущение еврейских общин, в их быт и культуру, а соответственно и декорации синагог сильный оттенок мистицизма и экспрессии, которые были характерны для их духовных и мистических практик. В этот же период ковровый принцип декорации, принятый в синагогах XVIII в. вытесняется другими композиционными приемами размещения отдельных живописных вставок или регистров, подчеркивающих членения архитектуры, плоскости стен, связь либо разграничение стен и сводов и пр., несколько видоизменяется и в целом сокращается репертуар сюжетов.

Говоря о географии синагог, сразу укажем, что на основе имеющихся данных из группы деревянных синагог, разбросанных в прошлом вдоль течения Днепра на правобережных землях современной Украины пристального внимания заслуживают три достаточно разные по своей архитектуре синагоги, в которых были ценные образцы росписей. Одна из них – синагога в Норинске (север бывшей Киевской губернии, ныне Овручский район Житомирской области), – материалы о ней дошли до нас благодаря фотографиям украинского антрополога и этнографа Федора Вовка (1847-1918), выполненных в 1907 году во время его «этнографических экскурсий» [5; 20, с. 11-12] и две другие – на юге: в местечках Тальное (ныне в Черкасской обл.) – материалы экспедиций Данилы Щербаковского – обмеры и фотографии синагоги, выполненные, вероятно, в 1906 г. [4, д.73, ед.хр. 7-18, д.75] и Новомиргороде (бывший Златополь, ныне в Кировоградской обл.) – фото первой половины 1930-х гг.⁸ В ряде других деревянных синагог на территориях бывшей Киевской губернии (Животов, Янушполь, Терновка, Конела, Смела и пр.) и прилегавших территорий на границы Подолии и Волыни (Полонное, Янушполь, Острополь, Кульчины), мы не имеем сведений об убранстве интерьеров, лишь фото и рисунки их внешних обликов. Но надо пола-

⁸ Фото синагоги 1933-35 гг. из фондов бывшего НИИТИАГа.

Рис. 3. Тальное. Черкасская обл. Деревянная синагога. 1860-е гг. Вид на западный фасад. Фото Д. Щербаковского, до 1909 г. (ИА НАНУ. Фонд Д. Щербаковского, № 9. Д. 73. Ед.хр. 57 (4)).

гать, что в большинстве их присутствовали скромные декорации – отдельные изобразительные мотивы на восточной стене и потолке, что было характерно для этого периода (Уланов, Погребеще). Были синагоги и вовсе без росписей (Животов), что говорит в пользу того, что живописный декор в поздний период уже не был частью обязательной программы. Возможно, это обусловило и оскуднение всей декорации, где, как уже подчеркивалось, из сплошной, ковровой росписи остаются лишь избранные сюжеты.

Попробуем разобрать систему декора и отдельные сюжеты росписей, о которых мы знаем. Пространственно-планировочная структура молельного зала всех трех синагог была объединена наличием ложных внутренних куполов – наследия польских синагог середины XVIII в., с которыми также была связана система росписи.

Упомянутую синагогу в Норинске – городе, где родился рабби Менахем Нахум Чернобыльский (1730-1797) [15], основоположник чернобыльской династии, по времени росписи можно отнести к первой половине XIX века. Более точную датировку на основе сохранившихся данных провести сложно. Ее купол имел довольно оригинальную конструкцию – будучи восьмигранным в основании, он вновь смыкался четырехгранником вверху. Росписи купола представляли чередование четырех анималистических сцен на широких простенках и вазонов с растениями – символов древа жизни, на узких лепестках основания купола. Причем в ряде сцен с животными эти же вазоны повторялись как центральные элементы, которые фланкировали две фигурки антропоморфных львов с парящим над ними в верхней части двухглавым орлом (сторона *арон кодеша*), либо разведенные по сторонам единорог и лев – напротив нее. Такой прием давал древу жизни не только декоративный, но и сюжетно-символический характер. Сцена на боковом фасаде несколько сбивала симметричный характер композиций, создавая свободное композиционное движение – на ней был изображен слон с поднятым хоботом, который как-бы

передавал пас руке, зажигающей *менсру* – храмовый семисвечник. *Менсра* на боковом фасаде пересекалась программно с аналогичными изображениями в ранних деревянных синагогах Польши (Яблонов, Ходоров и др.), где ее изображение вместе с размещенным напротив столом для хлебов предложения являлось символическим переносом пространства Скинии / Храма в молельный зал синагоги. Однако здесь и *менсра*, и слон, символизировавший еврейский закон и Тору [28, р. 469], и зажигающий светильник через посредство человеческой руки производили гораздо более сильное эмоциональное впечатление. Эта сцена, как и смотрящий человеческими горящими глазами львы и крупный масштаб всех изображений в целом создавал давящую мистическую атмосферу предстояния перед Всевышним и присутствия живого духа [13, с. 197]. Очевидно, что исследование этого сюжета невозможно без привлечения еврейских религиозно-философских текстов и общего учета духовного подъема еврейской жизни на этих землях. Судя по сохранившемуся в той же коллекции Ф. Вовка фотоизображению большой таблицы с портретами хасидских цадиков [1, с. 125], мы можем предположительно говорить о принадлежности синагоги. Исследуя изображенные на ней портреты раби Шнеура Залмана из Ляд (основателя хасидского движения Хабад, 1745-1813) в окружении шестерых отпрысков Мордехая Чернобыльского (1770-1837), сына Менахема Нахума, можно полагать, что синагога эта принадлежала, возможно, не первоначально, последователям чернобыльской династии. Ниже мы еще вернемся к этой ветви хасидизма.

Следует отметить и еще одну стилистическую деталь. Верхняя часть купола сплошь усеяна звездами, которые были выполнены методом трафаретной набойки. Мотив звездного неба, наряду с завесами становится общепринятым в поздний период XIX – начала XX вв., а трафарет, применяемый повсеместно в этот период, в т.ч. и для резьбы еврейских надгробий, свидетельствовал об упадке самой художественной культуры [3].

Росписи в другой синагоге, в м. Тальное, лежащем почти в трехстах километрах вдоль нижнего течения Днепра стали известны по материалам Д. Щербаковского. Синагога была возведена, вероятно, в 1860-х гг. и построена в неоклассическом стиле. Это было довольно крупное двухэтажное здание красивых пропорций с ниспадающей четырехскатной двухуровневой крышей. С западного фасада примыкал изящный портик с балконом – женской галерей на столбах, который завершался треугольным фронтоном. Центральный вход и выход на балкончик женской галереи был расписан в форме живописного обрамления портьерой. Внутреннее пространство молельного зала также фокусировалось на ложном восьмигранном куполе, под которым находилась бима, а также на восточной стене с *арон кодешем*. В решении интерьера совмещалась

Рис. 4. Новомиргород
(Златополь).
Кировоградская обл.
Деревянная синагога,
XVIII – XIX вв.
Вид на западный
фасад. Фото 1933-
1935 гг. (НИИТИАГ.
Ед. хр. I-128).

простая, даже грубоватая отделка тесом и изысканная резьба *арон коदेशа*, *амуда*, а также оригинальная для синагогальной традиции роспись восточной стены⁹.

Композиционный строй росписи также задавал мотив портьеры, который идейно и стилистически соединял алтарную стену – символические врата в божественное пространство, с экстерьером – «земными» вратами в синагогу [11]. Живописная портьера обрамляла симметрично расположенные по обе стороны трехъярусного *арон коदेशа* высокие кипарисы и две парные сцены с животными, фланкирующими древа жизни. При композиционном единстве обе сцены решались по-разному.

Левая была исполнена мажорной тональности, торжественности и изящества. Это была репрезентация райского сада. Множество разномасштабных, но сделанных под один шаблон декоративных птиц – очевидно павлинов, – демонстрировали любопытный прием решения перспективы и пространства. В нижней части композиции в непринужденном отдыхе разместились грациозные олень и лев, фланкирующие вазон с деревом жизни. Благоухание древа подчеркивали умиротворенные животные, наслаждавшиеся его запахом, и птицы, клюющие его плоды. Двуглавый орел, паривший над всей композицией в окружении двух павлинов, поддерживал нарисованную люстру-паука (паникадило), которая придавала сцене светоносность и праздничность. Симметричный характер композиции и плоскостность подчеркивал геральдично-орнаментальный язык исполнения.

С правой стороны мы видим антипод левой сцены – суровую и аскетичную картину безжизненности длинного сухого древа без ветвей и листьев, на котором восседает двуглавый орел. Парные фигурки львов и оленей по сторонам от ствола древа насторожены и агрессивны. Эта сцена дополнительно может прочитываться как мотив четырех животных из Пиркей Авот,¹⁰

однако главный ее смысл видится в ином. В отличие от первого сюжета выражающего милость Всевышнего и рай для праведников – это сцена демонстрирует божий гнев как наказание за нарушения его заповедей. В двух фрагментах *Хумаша* (Пятикнижия Моисея) мы находим тексты, которые легли в основу этих сюжетов (Ваикра 26; Дварим 28). Так в знак награды пошлет Всевышний дожди, урожай, плодоносность деревьев, спокойствие жизни и мир в стране (Ваикра, 26:3-5), а в противном случае, евреев постигнет засуха, голод, разруха, нашествие диких животных, болезни, смерть и изгнание (Ваикра, 26:16-39). Именно это и демонстрируют росписи.

В комментариях к недельной главе *Бехукотай* книги *Ваикра* (Левит) подчеркивается, что благословение и проклятие, которые ниспошлет Всевышний на избранный им народ в случае покорности либо же неповиновения призваны создать четкий контраст и конкретный зрительный образ между «благом, которое дает верность союзу со Всевышним и исполнению законов Торы, и тем ужасом проклятий, которые обрушатся на народ, если он изменит союзу с ним. Этот фундаментальный принцип: награда праведникам и наказание злодеям – одна из основ иудаизма» [19, с. 754]. Анализ этого сюжета требует отдельного внимания, мы же хотим подчеркнуть, что столь важная тема ответственности евреев за свой выбор и союз со Всевышним нашла свое оригинальное художественное воплощение именно в росписях этой синагоги. Очевидно, что обе сцены, которые венчают двуглавые орлы воспроизводят в метафорической форме и две контрастирующие идеи: рая и ада как противопоставления благоухающего и пустынного места, а заодно, и образ Всевышнего (двуглавый орел), как верховного судьи, милосердного и карающего [21]. Эта синагога не пережила бедствий гражданской войны и еврейских погромов, бесчинств солдат денкинской армии, которые летом 1919 г. устроили грабежи и сожгли

⁹ Благодарю Алену Рудич (Харьков) за графическую прорисовку реконструкции интерьера синагоги с росписью, осуществленную в 2009 г.

¹⁰ Пиркей Авот («Поучение отцов») – трактат Мишны, содержащий морально-этические установления иудаизма. Оформлен в стиле подборки афористичных высказыва-

ний еврейских мудрецов. В данном случае имеется ввиду знаменитое изречение, имеющее дидактический посыл: «Будь дерзок как тигр, и стремителен как орел, быстр как олень, и могуч как лев, исполняя волю Отца твоего небесного» (Авот 5: 20).

большую часть местечка. Материалы Щербаковского, пожалуй, единственный известный источник по этому объекту.

Подобные трактовки мы не встречаем в синагогах других земель, что, вероятно, было вызвано сильным влиянием хасидских учений, в частности, распространившегося на этих землях во второй половине XIX века влияния упомянутой династии чернобыльских цадиков. В основе их учения, которое базировалась на их предшественниках и каббалистах, лежала идея борьбы доброго и злого начала, где победа света над тьмой достигалась непрерывным общением и растворением человека в Божестве. Это способен был осуществить только цадик, а все остальные буквально «прилеплялись» к нему (идея «*двекут*»),¹¹ осуществляя через него свой контакт с Всевышним. Чернобыльские цадик олицетворяли собой хасидскую модель «царственного» правления, которую установил рабби Мордехай Чернобыльский, и перенес ее на двory восьми его сыновей, которые последовательно распространили свои влияния на многие местечки Приднепровья и другие регионы. Среди наиболее известных был рабби Давид Тверский (1808-1882), цадик в упомянутом местечке Тальное (Талнер-ребе), шестой сын рабби Мордехая.¹² Именно Талнер-ребе оставил по себе разнообразные легенды, основанные на его постоянных поездках по провинции к своим последователям и люды к роскоши: он содержал пышный двор и восседал на серебряном троне, на котором золотом было написано изречение из Талмуда «Давид, царь Израилев, жив вечно».

Вышеупомянутая синагога была построена в его время. Если взять в расчет, что эта синагога принадлежала последователям Талнер-ребе, то тогда можно предположить и другое – существование своих традиций росписей синагог. Ведь до нас дошли фотографии внешнего вида крупных деревянных синагог в самом Чернобыле (здесь, кстати, мы встречаем практически такой же портик западного фасада, как и в Тальном), Смеле, Черкассах, которые в целом, без учета стилистических деталей демонстрировали единый подход и традицию. Предположить это можно, исходя также из того, что подобные династические архитектурно-художественные традиции сложились в упомянутой ружинско-садгорской ветви хасидизма и связанной с ней родственными узами вижницкой династией (имеются ввиду дворцы и синагоги-резиденции цадиков в Садгоре, Чорткове, Гусятине, Вижницах, Боянах) [7, с. 326; 31, с. 94-97]. С известной долей осторожности

можно говорить о подобной программе росписей в синагогах Северной Буковины, где было сильное влияние этого течения хасидизма, и где сохранилось две синагоги, в Черновцах и Новоселице с единой системой живописной декорации [12; 22].

Завершая сюжет о данной синагоге укажем еще на один любопытный живописный мотив – на сей раз на двух фронтонах, венчающих обрамление подъема на биму. На выцветших фотографиях удалось распознать изображение Иерусалимского Храма в геральдическом обрамлении из собранной по бокам ниспадающей драпировки. Подобный тип изображения Храма на храмовой горе, подпираемой стеной с рассаженными деревьями и двумя гигантскими кипарисами по бокам не встречался в известных автору аналогах росписей. По обе стороны изображения на одном фронте помещалась надпись на иврите «тибана Ерушалаим» («восстроится Иерусалим»), что явно имело отношение к мессианским временам. В плохо прочитывающейся надписи на почти аналогичном изображении второго фронтона – видно слово «Сион», которое тоже относится к грезам о возвращении в Эрец-Израэль. Само же фронтальное изображение Храма больше напоминало связь с подобными гравированными сюжетами в книгах, бокалах для *киддуша* (освящения трапезы вином), которые начинают ходить со второй половины XIX в., а на рубеже веков широко используются в Палестине на официальных бланках, брачных контрактах – *клуббот*, печатях и пр.

Третья из известных синагог с росписями находилась неподалеку от Тального в местечке Новомиргород, и представляла собой в архитектурном отношении «усадебный» тип польских синагог XVIII века с двумя боковыми пристройками по углам, увенчанные куполами (по типу синагог в Заблудове, Волпе, Гомбине и пр.)¹³. [25] Судя по дате на резных наличниках шестиугольного портала синагоги (5628 г. от сотворения мира – 1867-68 гг.), ее постройка, но скорее ремонт и, возможно, росписи, приходились на последнюю треть XIX в.¹⁴ Настенные росписи представляли здесь лишь повторяющиеся мотивы собранных и припущенных портьер, помещенных между вертикальными деревянными стойками, укреплявшими стены зала и тонированные на фоне светлых досок сруба. В росписях доминирует силуэтный характер изображений. Переходной пояс между стенами и куполом решен в виде зодиакального цикла в четырех длинных фризобразных сегментах. Изображение музыкальных инструментов на мотивы Псалма 150, прославляющего Всевышнего, помещены в узких угловых сегментах. Все они формируют подъем восьмигранного купола. Орнаментальное обрамление этих полей состоит из акантового мотива с трех сторон и ленточного ниспадающего ламбрекена с кистями сверху, который усиливает мотивы живописных драпировок на стенах.

¹¹ «*Двекут*» (с ивр. «прилипание») – в иудаизме беспредельная преданность Всевышнему, состояние религиозного совершенства и единства с Творцом, которое получило особую значимость в учении и практике хасидизма.

¹² Среди других его сыновья и основателей ответвлений чернобыльского хасидизма: Аарон Тверский (цадик в Чернобыле), р. Моисей Тверский (цадик в Коростышеве), р. Яков Израэль Тверский (цадик в Черкассах), р. Нахум Тверский (цадик в Макарове), Авраам Тверский (цадик в Турийске), р. Ицхак Тверский (цадик в Сквире, основатель Сквирской династии), р. Йоханан Тверский (цадик в Ротмистровке). На протяжении XIX и в начале XX вв. династия Тверских занимала господствующее положение в религиозной жизни украинского еврейства.

¹³ Такой тип синагог был в основном характерен для польско-белорусских синагог XVIII в. района Гродно-Белосток и Литвы, изредка встречался на границы Подолии и Волыни (Погребище).

¹⁴ Благодарю Элен Мириам Рохлин (Иерусалим) за содействие в расшифровке инскрипции и установлении даты возведения (обновления) синагоги на резном портале.

Рис. 5. Нсринск. Житомирская обл. Деревянная синагога. XIX в. Фрагмент росписи. Фото Ф. Вовка, 1907 г. (ИА НАНУ. Фонд Ф.К. Вовка. Д. 253. Ед. хр. 7).

Рис. 6. Нсринск. Житомирская обл. Деревянная синагога. XIX в. Фрагмент росписи. Фото Ф. Вовка, 1907 г. (ИА НАНУ. Фонд Ф.К. Вовка. Д. 253. Ед. хр. 1).

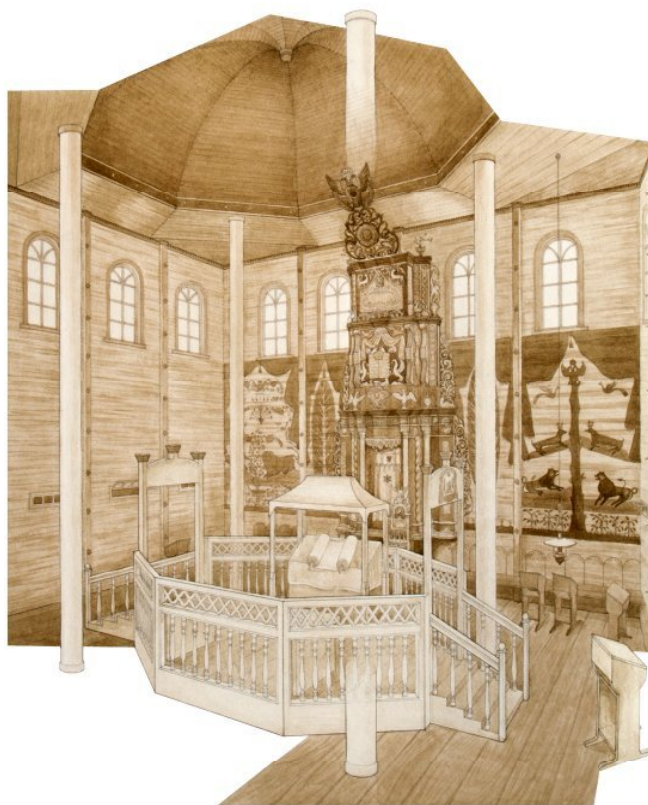

Рис. 7. Тальное. Черкасская обл. Реконструкция интерьера деревянной синагоги на материалах фотоархива Д. Щербаковского. Реконструкция модели – Е. Котляр, графическая прорисовка – А. Рудич. 2009.

Рис. 8. Тальное. Черкасская обл. Деревянная синагога. 1860-е гг. Фрагмент росписи восточной стены. Фото Д. Щербаковского, до 1909 г. (ИА. Ф.9. Д.73. Ед.хр. 45 (47)).

Из элементов живописной иерархии можно только отметить роспись западной стены: двуглавого орла в триумфальном окружении ветвей и портьеры по центру зодиакального пояса, а под ним, на стене двух стоящих львов, поддерживающих написанный архитектурно-орнаментальный портал, и вписанных в раздвинутую портьеру, подобно другим, оформлявшим весь зал. Резные объекты и элементы оформления синагоги – *арон-*

Рис. 9. Тальное. Черкаска обл. Деревянная синагога. 1860-е гг. Фрагмент росписи восточной стены. Фото Д. Щербаковского, до 1909 г. (ИА. Ф.9. Д.73. Ед.хр. 55 (5)).

кодеи и шестиугольный наличник в обрамлении входа также заслуживают отдельного рассмотрения с точки зрения их иконографии, стилистики и инскрипций.

К упомянутым синагогам можно еще добавить имеющиеся в наличии сведения о росписях синагог в Уланове и Погребнице, которые располагались западнее, на границе с Подольской и Волынской губерниями. В первой из них были также использованы «плавающие» композиции без декоративных и орнаментальных полей, включались мотивы древа жизни в вазонах, на восточной стене был помещен образ оленя, в котором больше узнавался местный лестной лось. Во второй синагоге по периметру зала обегал распространенный мотив ниспадающих портьер и легких драпировок с кистями, который придавал нарядность и торжественность убранству молельного зала.

Редкие, дошедшие в изображениях мотивы наружных росписей синагог также свидетельствуют о том, что традиция живописного декора была достаточно широко развита в этом регионе. Это видно на примере парных лежащих львов в оформлении входного портала синагоги в Терновке, либо же во фризе с орнаментацией и аббревиатурой ивритских слов (возможно, *гематрией*¹⁵ дат реконструкции синагоги) в Погребнице, который был вынесен в виде расписного карниза в оформлении внешнего периметра синагоги. Подобные тексты, поданные в виде прямой цитаты или аббревиатуры изречений, наподобие: «Как прекрасны шатры твои, о Иаков, жилища твои, о Израиль!» (Числа 24:5), «Вот врата для Господа, праведные войдут в них» (Псалмы 118:20) и др. были очень характерны для размещения как на фасадах, так и в декоре молельного зала синагог, нередко в сопровождении других сюжетно-орнаментальных или геральдических мотивов. К сожалению, мы едва ли сможем узнать даже в будущем более тонкие и разнообразные

¹⁵ *Гематрия* – соответствие букв ивритского алфавита их числовому эквиваленту. Традиция применялась для обозначения датировок, а также в каббалистических текстах для раскрытия тайного (скрытого) смысла слова.

Рис. 10. Новомиргород (Златополь). Кировоградская обл. Деревянная синагога, XVIII – XIX вв. Вид на хоры и проемы в женскую галерею. Фото 1933-1935 гг. (НИИТИАГ. Ед. хр. I-10607).

*Рис. 11. Уланов. Винницькая обл.
Деревянная синагога. XIX в.
Восточная стена с арон-кодешем и
фрагментом росписи.
Фото Д. Щербаковского, 1920-е гг.
(ИА. Ф.9. Д.73. Ед.хр. 182 (49)).*

аспекты бытования этого ушедшего пласта художественной культуры.

Выводы. Дошедшие до нас единичные примеры росписей деревянных синагог Надднепрянщины XIX в., широко разбросанных по региону и разнообразных по архитектуре, пока не позволяют делать существенные обобщения и вызывают больше вопросов, чем ответов. Мы можем лишь констатировать общие принципы живописи, характерные для этого времени: повсеместное использование мотивов драпировок, которые, становятся самодовлеющими, и, безусловно, являются отголоском классицистических принципов, характерных в т.ч. и для синагогальной архитектуры этого периода. Из сложившейся ранее программы росписей здесь в различном наборе присутствуют геральдические орлы, знаки Зодиака, почти всегда древа жизни. Наблюдается отказ от ковровой росписи и укрупненность масштабов отдельных символических мотивов и сцен, некоторая гипертрофированность подачи живописных сюжетов в целом, подчеркнутая силуэтность и выразительный эмоциональный характер образов. Первая характеристика свидетельствует об упадке стенописной синагогальной декорации в целом, в то время как вторая, обусловленная усилением хасидского фактора, напротив, свидетельствует об экспрессии и эмоциональной выразительности образов, силе религиозного духа. С учетом общей тенденции возведения деревянных синагог с оглядкой на каменные и желания придать им больше помпезности и величественности, можно говорить о соединении двух подходов в декорациях синагог. Первый – имитация дворцового убранства, где неизменно присутствуют мотивы ниспадающих тканей, убранных в складки с эффектными плавными ритмами и силуэтами. Второй – насыщение этого пространства еврейской символикой и выразительными по трактовке образами, кото-

рые были призваны не только выразить идеи иудаизма, но и затронуть сердца верующих, пробудить в них истинное религиозное чувство и трепет предстояния перед Богом.

Однако, подчеркнем еще раз, это предварительные замечания, сделанные на основе крайне скудных материалов. Пока нет оснований полагать, что источниковая база значительно расширится, и это позволяет лишь наметить контуры осмысления синагогальных росписей в данном регионе, которые безусловно являлись маргинальным проявлением сосредоточенных в Галиции, Подолии и Волыни центров синагогальной декорации. Тем не менее, более подробный анализ упомянутых здесь отдельных памятников сможет пролить свет на сюжетно-символическое разнообразие мотивов росписей, связать их с духовными реалиями и идеалами еврейской жизни местных общин и художественными традициями региона, дополнить общий словарь сюжетов и образов традиционного еврейского искусства.

Литература:

1. Асаф Д., Сагив Г. Хасидизм в царской России: исторические и социальные аспекты / Д. Асаф, Г. Сагив // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772-1917 [под ред. И. Лурье]. Т.2. – М.-Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2012. – С. 101-146.
2. Бернштейн-Вишницер Р. Искусство у евреев в Польше и Литве / Р. Бернштейн-Вишницер // История евреев в России. (Под ред. Браудо А.И., Вишницер М.Л., Гессен Ю. и др.). – М.: Мир, 1914. – Т.ХI. История еврейского народа. – Т.1. – С. 390-405.
3. Гоберман Д. Еврейские надгробия на Украине и в Молдове / Д. Гоберман // Шедевры еврейского искусства. – М.: Имидж, 1993. – Т. 4. – С. 39-40.
4. Институт археологии НАН Украины. Фонд Д.М. Щербаковского, Ф. 9. Д. 73 «Єврейське мистецтво». Д.75, Д. 80 «Екскурсія на Поділля й Волинь 24 липня – 10

- вересня 1926 року». Щоденник Данила Щербаківського.
5. Институт археологии НАН Украины: Авторский фонд Ф.К. Вовка. 1870-1918. Д. 253. Ед.хр. 1-7.
  6. Институт рукописи НБУ им. В.И. Вернадского НАН Украины. Фонд С.А. Таранушенко. Ф. № 278. Д. 473 (наиболее крупный фрагмент фотоколлекции еврейских памятников из научных экспедиций конца 1920-х – начала 1930-х годов) и др.
  7. Котляр Е. «И буду я для них малым Храмом...». Судьбы и образы синагогальных зданий в Украине / Е. Котляр // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. – М.: Дом еврейской книги, 2004. – № 4-5. – С. 306-350.
  8. Котляр Е. Восточноевропейская традиция росписей синагог и ее региональные центры на исторических землях Украины. К постановке проблемы / Е. Котляр // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. – Харків: ХДАДМ, 2010. – № 8 (Сходознавчі студії. Вип. 3 «Єврейське мистецтво і український контекст. Обрії традиційної художньої культури»). – С.50-101.
  9. Котляр Е. Иудаика в полевых исследованиях Данилы Щербаковского / Е. Котляр // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. – Харків: ХДАДМ, 2003. – № 2. – С. 156-164.
  10. Котляр Е. Иудаика Павла Жолтовского / Е. Котляр // Егупець. Художньо-публіцистичний альманах. – К.: Центр досліджень історії та культури східноєвропейського єврейства–Дух і літера, 2011. – Число 20. – С. 330-367.
  11. Котляр Е. Образ Храма в концепции «Фасад-Алтарь»: символично-декоративный ансамбль «врат» в синагогах Украины / Е. Котляр // Материалы Седьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике, 31 января – 2 февраля 2000 г. – М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2000. – Вып. 6. – Часть 2. – С. 288-303.
  12. Котляр Е. Росписи синагог Северной Буковины в контексте восточноевропейской традиции / Е. Котляр // Judaica Ukrainica. Peer-reviewed annual journal in Jewish Studies (ed.: V. Chernovanenko). – К.: The Publishing Center of Kyiv-Mohyla Academy, 2012. – Vol. 1. – P. 227-263.
  13. Котляр Е. Єврейський народний стиль у розписах дерев'яних синагог Східної Європи: від космології до «єврейського бароко» / Е. Котляр // Українська академія мистецтва. Дослідницькі та науково-методичні праці. – К.: НАОМА, 2012. – Вип. 19. – С. 196-205.
  14. Котляр Е. Павло Миколайович Жолтовський як дослідник юдаїки та єврейського сакрального мистецтва / Е. Котляр // Волинська ікона: дослідження та реставрація. Матеріали XVII Міжнародної наукової конференції, м. Луцьк, 21-22 жовтня 2010 року. – Луцьк, 2010. – Вип. 17. – С. 160-169.
  15. Краткая еврейская энциклопедия. В 9 томах. (Гл. ред. Ицхак Орен (Надель), Нафтали Праг. – Иерусалим: Общ-во по исследованию еврейских общин: Еврейский университет в Иерусалиме, 1996. – Т. 8. – Кол. 781-784. Родоначальник династии, ученик основателя хасидизма Баал Шем Това и его преемника Дова Бера из Межирича основал свою резиденцию в Чернобыле. Фамилия Тверские происходит по преданию в память о предках, происходивших из г. Твери, одного из святых мест Эрец-Исраэль.
  16. Лифшиц Ю. Две неизвестные коллекции по истории материальной культуры евреев восточной Европы / Ю. Лифшиц // История евреев на Украине и в Белоруссии: Экспедиции. Памятники. Находки / Сост. Лукин В.М., Хаймович Б.Н., Дымшиц В.А. – СПб.: Петербургский Еврейский университет: Институт исследований еврейской диаспоры, 1994. – Вып. 2. (Труды по иудаике) – С. 152-158. Эта была первая публикация, где впервые обнародовались фотоколлекции Л. Щербаковского и П. Жолтовского (последняя в составе фонда С. Таранушенко).
  17. Луць В. Щоденники волинських експедицій Данила Щербаківського / В. Луць // Пам'ятки сакрального мистецтва Волині на межі тисячоліть: питання дослідження, збереження та реставрації. – Матеріали VI міжнародної наукової конференції по волинському іконопису, м. Луцьк, 1-3 грудня 1999 р. – Луцьк: Надстир'я, 1999. – С. 12-22.
  18. Павлуцкий Г. Старинные деревянные синагоги в Малороссии / Г. Павлуцкий // История русского искусства / Под ред. И. Грабаря. – М.: Изд. И. Кнебель, 1910. – Т.2 (До-Петровская эпоха (Москва и Украина). – С. 377-382.
  19. Тора. Пятикнижие и Гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино». – М.-Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 1999. – 1458 с.
  20. Урицкая Л.Б., Якерсон С.М. Еврейские сокровища Петербурга. Ашкеназские коллекции Российского этнографического музея / Л.Б. Урицкая, С.М. Якерсон. – СПб: Арка, 2009. – 232 с.
  21. Хаймович Б. «Геральдический орел» в художественной культуре восточноевропейских евреев / Б. Хаймович // Вестник еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. – Иерусалим: Гешарим – Москва: Мосты культуры, 2000. – № 3 (21). – С. 87-110.
  22. Хаймович Б. «Дело рук наших для прославления». Росписи синагоги Бейт Тфила Беньямин в Черновцах: изобразительный язык еврейского мастера / Борис Хаймович. – К.: Дух и літера, 2008. – 200 с.
  23. Щербаківський Д. Пам'ятки мистецтва на Правобережжі / Д. Щербаківський // Коротке звітлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1926 рік. – К.: Українська Академія наук, ВУАК, 1927. – С. 191-209.
  24. Яргина З. Деревянные синагоги / З. Яргина // Шедевры еврейского искусства. – М.: Имидж, 1993. – Т.5. – С. 337-339.
  25. Bersohn, M. Kilka slow o dawniejszych boznicach drewnianych w Polsce / M. Bersohn. – Warszawa, 1903.
  26. Breyer, A., Eisler, M., Grunwald, M. Holzsynagogen in Polen / A. Breyer, M. Eisler, M. Grunwald // Menorah. Judisches Familienblatt fur Wissenschaft / Kunst und Literatur. – Wien-Berlin, 1932. – NR. 1-2. – P. 21-40; NR. 3-4. – P. 109-133; NR. 5-6. – P. 217-240; NR. 7-8. – P. 293-316.
  27. Davidovitch, D. Wallpaintings of Synagogues in Poland / D. Davidovitch. – Jerusalem, 1968. (на иврите).
  28. Epstein, M.M. The Elephant and the Law: The Medieval Jewish Minority Adapts a Christian Motif / M.M. Epstein // The Art Bulletin. A Quarterly Published by the College Art Association, 1994. – V. LXXVI. – # 1. – P. 465-478.
  29. Hubka, T. Resplendent Synagogue. Architecture and Worship in an Eighteenth-Century Polish Community / T. Hubka. – Hanover and London: Brandeis University Press, 2003. – 226 p.
  30. Hubka, T.C. Jewish Art and Architecture in the East European Context: The Gwoździec-Chodorów Group of Wooden Synagogues / T.C. Hubka // Polin. Studies in Polish Jewry. Jews in Early Modern Poland. (Ed. by G.D. Hundert). – London-Portland, Oregon: The Littman Library of Jewish Civilization, 1997. – V. 10. – P. 141-182.
  31. Kravtsov, S.R. Jewish Identities in Synagogue Architecture of Galicia and Bukovina / S.R. Kravtsov // Ars Judaica. The Bar-Ilan Journal of Jewish Art. (Ed. Bracha Yaniv, Miriam Rajner, Ilia Rodov). – Ramat-Gan: Department of Jewish Art, Bar-Ilan University, 2010. – V.6. – P. 81-100.
  32. Moklowski, K. Boznice drewniane i meczety / K. Moklowski // Sztuka Ludowa w Polsce. – Lwow, 1903.
  33. Piechotka, M. and K. Heaven's Gates. Wooden Synagogues in the Territories of the Former Polish-Lithuanian Commonwealth / M. and K. Piechotka. – Warsaw; Krupski I S-ka, 2004; (о настенных росписях в деревянных синагогах: Wall-and Vault-Paintings – P. 113-159).
  34. Piechotkowie, M. and K. Bramy Nieba. Boznice murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. – Warsaw, Wydawnictwo Krupski, S-ka, 1999; (о росписях и декоре стен в каменных синагогах: Polichromie – S. 310-315).
  35. Trzeciński, A. Zachowane wystroje malarskie bóżnic w Polsce / A. Trzeciński // Studia Judaica. – Kraków: Wydawnictwo Antykwa, 2001. – R. IV. – Nr 1-2 (7-8). – S. 67-95.
  36. Wierzbicki, L. Boznica w miasteczku Jablonowie nad Prutem / L. Wierzbicki // Sprawozdania Komisji do Badania Historii Sztuki w Polsce. – Cracow, 1891. – IV. – P. 45-51.